

"Бакинские тайны" партии "Дашнакцутюн"

Исследование "бакинской" страницы деятельности "Дашнакцутюн" приводит к неожиданным открытиям

НУРАНИ

"...Климат ощущается только внутри помещений - тепловатый и бесцветный, как вода в бутылке, климат головной боли, климат ожидания, горький на вкус, вызванный к жизни медленно текущей рекой, климат усталости и худосочия. Воздух здесь - всего лишь обессилевший ветер, упавший на равнину, а сумерки, когда они приходят,- лишь сгущенный до темноты дневной туман, свечение люминесцентных фонарей на унылых улицах," - эти строчки Джон Ле Карре написал когда-то о Бонне, "временной столице" ФРГ - небольшом рейнском городе, избранном в качестве местопребывания официальных органов до возвращения столицы Германии в Берлин.

Но этот пейзаж как нельзя лучше характеризует сегодняшнюю Армению, страну, о которой армянский диссидент и правозащитник Вардан Арутюнян писал: "Мы народ, который застрял в прошлом. Мы остались в прошлом, не смогли усвоить ценности XX века и перейти в XXI. В лучшем случае мы остались в XIX веке. Нашими ценностями, нашим мировоззрением, нашими повседневными проблемами, нашими мечтами мы принадлежим прошлому. Мы там, в прошлом, решаем проблемы прошлого, еще боремся с султаном Гамидом, поем песни, которые родились тогда, и повторяем те же мысли. Вершинами патриотизма для нас остаются Чауш, Дро, Андраник, Сосе и Сероб. В их патриотизме - естественная для тех лет разбойниче-социалистическо-террористическо-националистическая примесь. Из тех времен мы внедряем в XXI век нашу ненависть и претензии к соседям. Наш патриотизм и наш антитуркизм прямо пропорциональны друг другу. Геноцид остается нашей визитной карточкой. Не можем освободиться от оков прошлого и свести наши счета с прошлым. Оно остается тяжелым грузом, тянувшим нас вниз, вместо того, чтобы стать для нас ступенью ведущей в будущее."

Откровенно говоря, после распада СССР и СФРЮ на политической арене оказалось немало деятелей, которые не до конца уяснили для себя, что август 1991 года наступил не сразу после октября года 1917, и весь "советский" период вычеркнуть просто не удастся. Но во всех странах они оказались отброшенными на маргинальную периферию в политике, и только в Армении составили, по сути дела, политический "мейнстрим",

Наверное, при желании можно исписать тома, рассуждая о причинах, почему так произошло. Но, наверное, то, что произошло с Арменией - это классический пример того, как то, что со стороны кажется преимуществом и преференцией, в реальной жизни превращается в ловушку. По мнению многих, такую злую шутку с армянской политической элитой сыграли то самое "армянское лобби" и весьма активные группы армянской диаспоры во многих странах. В СССР это слишком многим казалось неслыханной удачей: по сути дела, у армян, единственных в СССР, практически в каждой стране мира была "своя комната", своя церковь, своя школа, свой "культурный центр" и, главное, собственные политические лоббисты, прекрасно интегрированные в местные политические структуры. Но эта "мечта" имела и свою малоприятную оборотную сторону: в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, в Вашингтоне и в Нью-Йорке, в Париже и Марселе, то есть вроде бы во внешнем мире, армяне из Армении слышали от своих "заграничных" соотечественников слова, являвшиеся отголоском все тех же страстей кануна первой мировой войны: о "Западной Армении" на землях Восточной Анатолии, о Севрском договоре и "библейском Арарате"... Во всяком случае, сотрудник представительства Еврокомиссии во французском Марселе, с его крупнейшей армянской общиной, констатировал: для живущих здесь армян трагические события 1915 года стали самым ярким "пятном" в истории. Все, что происходило с Турцией и Арменией после этого, они просто не восприняли.

Откровенно говоря, появление на карте мира в 1991 году независимой Армении должно было бы заставить мир заинтересоваться тем, что эта страна, по сути дела, "застряла в прошлом". Но на заявление властей Турции о том, что новое государство может предъявить к ней территориальные претензии, мир просто не заметил - не до того было.

Следующим шагом стали те самые армяно-турецкие переговоры. "Большая дипломатия" вторглась в жизнь страны, "застрявшей в прошлом", разрушила ее политическую и интеллектуальную изоляцию посильнее анемичной Минской группы, и вдруг выяснилось, что Армения не намерена не только выводить войска из оккупированных азербайджанских районов, но даже признавать границу с Турцией, согласно Карсскому договору. Потрясенная Армения узнавала, что, оказывается, Севрский договор интересует сегодня разве что историков, но никак не действующих дипломатов, что "шесть вилайетов" никто не собирается преподносить Армении на блюдечке, а Барак Обама так и не произнесет слова "геноцид" в своем

обращении 24 апреля. Но и для окружающего мира оказалась неожиданной столь мощная "прививка" политических страстей рубежа XIX-XX веков, ставших вдруг донельзя актуальными - потому что в непосредственной близости от очага застарелого конфликта проходят важнейшие трассы нефте- и газопроводов, а конфликт между Турцией и Арменией, случись ему перейти в "горячую фазу", может привести к "большой войне".

И неспроста официальная Анкара, объявив об открытии собственных архивов, потребовала открытия архивов не только Армении, России, других заинтересованных стран, но и партии "Дашнакцутюн".

Однако даже беглый анализ тех событий приводит к парадоксальному выводу: многие события, запустившие дьявольский механизм трагедии 1915 года, происходили не в Эривани и даже не в восточных вилайетах Турции, а в Баку.

"Бакинские ночи" кадетов и дашнаков

Как указывал Станислав Тарасов на сайте агентства "Регнум", в фондах царской охраны хранится уникальный документ: донесение начальника охранного отделения Баку в Петербург. "1 апреля 1912 года, - говорится в этом отчете, - за имевшим пребывание в Баку членом Государственной думы Павлом Милюковым было установлено наружное наблюдение. Он присутствовал на обеде в гостинице "Метрополь" с лицами, нами установленными: М.И. Пападжановым, членом Восточного бюро партии "Дашнакцутюн", присяжным поверенным М.С. Алейниковым, имевшим связь с местной социал-демократической организацией".

Как признают многие историки, включая Тарасова, в это время политические страсти достигли пика. Российская империя готовилась к выборам в Четвертую Государственную думу - они должны были состояться в сентябре - октябре 1912 года. За ходом избирательной кампании, поездками лидеров политических партий по стране, "устранением от выборов некоторых нежелательных для правительства лиц", было поручено наблюдать товарищу министра внутренних дел А.Н. Харузину. Он, как писал в мемуарах один из старейших сотрудников царского МВД В.И. Гурко, "из кожи лез, чтобы выборы эти дали определенное большинство лиц угодных правительству".

На Бакинское охранное отделение выпала немалая оперативная нагрузка: Баку уже тогда был одним из центров, как говорили советские историки, "рабочего движения". А заодно и крупного, прежде всего нефтяного, бизнеса.

История парламентаризма и легальных политических партий в России насчитывала всего ничего - первая Дума появилась менее 10 лет назад. Но, как это и положено после "кессонной болезни", политические партии плодились, как грибы после дождя, заключали между собой самые фантастические альянсы и тут же их разрывали. РСДРП уже успела расколоться на большевиков и меньшевиков. А кадеты к началу 1912 года устами своего лидера Павла Милюкова отказались от идеи создания широкого либерального фронта и предложили начать практическую координацию действий с левыми партиями, "но в пределах конституционных методов". Поэтому, когда, например, октябристы решили "перекраситься в более яркие цвета", считать пролетариат "в высшей степени активной силой, изменить аграрную и национальную программу партии", чтобы объединить всех в единый внедумский штаб - Информационное бюро, - то собирать под эти знамена было уже некого.

И на этом фоне, по мнению многих экспертов, и прежде всего Тарасова, появление в Баку популярного лидера фракции кадетов в Третьей Государственной думе Павла Милюкова - единственного "специалиста без конкурентов по вопросам внешней политики", было связано не с предвыборными баталиями. Лидер кадетов выполнял задание, которое по своим политическим параметрам выходило далеко за пределы компетенции департамента полиции. Из отчета Бакинского охранного отделения: "Во время обеда в гостинице "Метрополь" Милюков предложил армянам полностью переориентироваться на Россию, обещая в будущем поддержку в вопросе о создании самостоятельного армянского государства. Он также положительно ответил на запрос, переданный ему от имени Западного бюро партии "Дашнакцутюн" Пападжановым, членом Государственной думы от Закавказья, о предоставлении оружия турецким армянам, которые подвергаются нападениям со стороны курдов".

Где искать Армению?

Партия, с которой искал "контакты" Павел Милюков, к этому моменту существовала уже больше 20 лет - срок для России тех времен весьма солидный. А вот в ее послужном списке террор явно превалировал над политикой как таковой.

Эта партия была основана летом 1890 г. в Тифлисе представителями нескольких революционных кружков - демократом Христофором Микаеляном, народником Ростомом Зорьяном и анархистом Симоном Заварьяном, первоначально под названием "Содружество армянских революционеров". И даже на фоне причудливых политических комбинаций, обычных для России того времени, представляла собой нечто особенное. Целью дашнаков было создание "автономного", а в идеале - независимого армянского государства на территории так называемой "Западной", или "Турецкой Армении", то есть Восточной Анатолии. А главным методом уже тогда провозглашался террор. Газета дашнаков "Дрошак" ("Знамя")

писала в программной передовой: "Наша партия не может согласиться с теми, кто желает только дипломатическим путем добиться своих целей, поскольку чистая дипломатия не считается с человеколюбием. Наши дипломаты руководствуются собственным интересом и правом сильного. Европа не для нас, пусть знают армяне, что они ничего не получают, пока армянская земля не будет пропитана кровью".

В 1894 г. партия, не принявшая свое нынешнее название, провозгласила и свою программу: "Целью Армянского революционного содружества является приобретение в Турецкой Армении с помощью восстаний политической и экономической свободы, руководствуясь принципом, что каждый человек является хозяином собственным трудом заработанных продуктов, что равный труд предполагает равное право пользования жизненными благами." И хотя в программе имелись и весьма привлекательные тезисы вроде "в будущей Армении народно-трудовое правительство, служа общим интересам, должно быть выбрано народом на основе равного избирательного права без имущественного ценза", "свобода слова, прессы и другие свободы, которые приняты в демократических странах", и т.д., в ней же открыто провозглашалось: "Армянское революционное содружество для достижения своих целей с помощью восстания организует революционные группы". Там же указывалось и другое: "организовать боевые группы и подготовить их как идеологически, так и практически", "вооружить народ", "организовать революционные комитеты и установить между ними тесные связи", "подвергать террору представителей власти, изменников, предателей, ростовщиков и всякого рода эксплуататоров", "разработать каналы отправки людей и оружия на родину (из России и Ирана)", "разорять и разрушать правительственные учреждения". Уже в 1896 году дашнаки перейдут от слов к делу, захватив в Стамбуле Оттоманский банк.

"Дашнаки" пишем, а кто в уме?

Здесь, пожалуй, следует несколько отвлечься от темы. Многие историки сегодня признают: накануне первой мировой войны турецкие армяне явно не подходили под стереотип "угнетаемого народа". Их не без оснований считали "самым привилегированным меньшинством". Но в Европе Турцию уже открыто именовали "большим властителем Босфора". На огромные территории Османской империи зарились Франция, Великобритания, Россия...Свои планы вынашивались и в отношении армян, в среде которых нарастало противоборство "прозападных" и пророссийских элементов в армянской среде - этот вопрос, кстати говоря, исследовали историки региона более чем незаслуженно обходят вниманием. Пожалуй, приоткрыть завесу над процессами, происходившими в армянской среде, решился только Эрик Файгл. По сведениям которого, еще в первую половину XIX века в армянской среде развернулась острейшая борьба между американскими миссионерами-протестантами и традиционной армяно-григорианской церковью, весьма близкой к российскому православию. Протестантские миссии активно "вербовали" неопитов-прозелитов, обещая им широчайшие возможности для обучения в странах Запада, прежде всего США. В результате в среде армянской молодежи, желающих принять протестантство отбоя не было. "Традиционная" григорианская церковь была всерьез обеспокоена обвальным потерей паствы, но предложить своим прихожанам, особенно молодым, нечто достойное не могла. Но и сдаваться без боя не хотела. В результате в 1839 году наступление на позиции "миссионеров" началось по всему фронту. Армян, принявших протестантизм, отлучали от григорианской церкви, что для большинства означало личную катастрофу: они не только не могли быть обвенчаны или похоронены по церковному обряду, но и фактически оказывались вне закона и вне общества. Кроме того, как указывает хроникер миссионеров Вильям Э. Стронг, были "сожжены школы, произведены аресты и распространен террор".

Но к последнему десятилетию XIX века соперничество между Россией, с одной стороны, и европейскими странами, с другой, за контроль над армянским национальным движением обострилось донельзя. Уже позади была Крымская война между Россией и Великобританией, не поделившими наследие Османской империи. Совсем недавно, в 1878 году, Турция даже заключила с той же Великобританией договор, по которому на сто лет отдавала под ее управление остров Кипр, получая взамен гарантии военной помощи на случай войны с Россией. Но и 1914 год, когда с началом первой мировой войны и Великобритания, и Россия окажутся по одну сторону линии фронта, Турция - по другую, и Лондон в одностороннем порядке разорвет Кипрскую конвенцию, объявив об аннексии острова, тоже еще не наступил. При этом на Великобританию открыто делала ставку армянская политическая партия "Гнчак", основанная в Женеве. На этом фоне дашнаки для России могли явиться желанным "рычагом влияния" на турецких армян, и в среде самих дашнаков было немало тех, кто считал, что партии, основанной в Тифлисе и уже в первый год своего существования основавшей ячейки в крупных городах Кавказа, незачем участвовать в политической жизни Российской империи.

Но точно так же известно и другое: одной из первых появилась ячейка "Дашнакцутюн" в Баку.

Здесь, пожалуй, требуется отступление. Эриванская губерния, основанная на землях Эриванского ханства, "арменизировалась" в те годы стремительно: число переселенных сюда армян из Турции и Ирана доходило до миллиона человек. Но, тем не менее, большинство населения Эривани по-прежнему составляли азербайджанцы. Своими главными центрами армяне считали турецкий Ван и кавказский Тифлис. А еще "нефтяной" Баку, где армянский капитал пользовался режимом наибольшего благоприятствования. И именно бакинской ячейке "Дашнакцутюн" пришлось сыграть решающую роль в событиях, надолго

определивших политическую карту Южного Кавказа и Турции.

Первая кровь

До поры до времени к деятельности дашнаков Россия относилась, скажем, так, с "благожелательным нейтралитетом", рассчитывая использовать их против Турции. Но ситуацию "сорвала в штопор" та самая первая революция, начавшаяся после кровавого воскресенья - 9 января 1905 года.

Сегодня, когда царь Николай II официально канонизирован как христианский великомученик, уже как-то не принято вспоминать о том, как перед его дворцом расстреляли людей, шедших с иконами и хоругвями просить у самодержца законодательной реформы. Но, как напишут потом самодеятельные поэты, "не стало в России царя девятого января" - баррикады стали строить уже вечером того дня, когда на Дворцовой площади пролилась первая кровь. Революционный подъем оказался столь мощным и сильным, столь неожиданным, что царские чиновники осознали: обычным методом справиться с ним не удастся. Тем более в таком промышленном и рабочем центре, как Баку, где уже накопилось предостаточно "взрывного материала".

Тезис "разделяй и властвуй" изобрели еще в Древнем Риме, но своей актуальности он не потерял по сей день. И от исследований историков, что события, получившие название "армяно-азербайджанской резни 1905 года", были спровоцированы царскими же чиновниками, которые увидели в них способ "переключить" гнев жителей "национальных окраин" с царского правительства на соседей не той национальности, и заодно ликвидировать неугодных и особенно опасных деятелей. Дашнаки в этих событиях, утверждают многие, сыграли роковую роль. Отозвав из Турции своих отборных головорезов, "защитники армян" приступили к откровенному грабежу мусульманского населения, погромам лавок и т.д. Полиция и армия не вмешивались - пусть "инородцы" крушат черепа друг другу, главное, чтобы не объединились против власти.

Формально все началось с того, что молодой азербайджанец Риза Бабаев был убит двумя армянскими солдатами-конвоирами якобы при попытке к бегству. Правда, при этом Бабаева почему-то не застрелили, а закололи штыками. Родственников Бабаева растерзали прямо перед армянской церковью, объявив, что те, дескать, пришли расправиться с убийцами члена своей семьи. Дашнаки взяли за оружие тут же, и азербайджанцам не оставалось ничего, кроме, как защищать себя самим. А такие конфликты очень быстро приобретают свою логику событий.

Понятно, впрочем, и другое. В СССР по понятной причине гордились тем, что во многие европейские языки вошло слово "спутник", но стыдливо умалчивали о том, что еще раньше, в начале XX века, тот же английский язык обогатился транскрибированным с русского словом "rogrom". Сегодня о том, как обласканные официальной властью черносотенцы устраивали во многих городах печально знаменитые еврейские погромы, можно прочесть даже в школьных учебниках, только вот вряд ли эта тактика не распространялась и на другие народы Российской империи.

Плюс ко всему сегодня, как признают многие, очень трудно найти объективную информацию о тех событиях: и европейская пресса, и царские чиновники явно отдавали предпочтение христианам-армянам перед мусульманами-азербайджанцами.

Пост губернатора Баку занимал в те годы князь Накашидзе. Он принадлежал к числу тех немногих царских чиновников, которые прекрасно понимали: заигрывание с террором не может не привести к трагическим последствиям. И для спокойствия империи лучше не поощрять террор и вражду на национальных окраинах. Так или иначе, Накашидзе оказался единственным, кто попытался оказать реальное сопротивление дашнакам. Или, во всяком случае, позволил мусульманам самостоятельно противостоять армянскому террору. Более того, в полдень 9 февраля Накашидзе собрал на своей квартире городского голову, духовных лидеров, других почтенных лиц, оттуда они по городу мирной процессией с белым флагом, причем впереди шагал сам генерал-губернатор в мундире и при всех регалиях. Тут уже резню надо было остановить, но дашнаки затаили на губернатора Накашидзе смертельную злобу.

Уже потом историки установят и другое. У князя Накашидзе, скажем так, не сложились отношения с Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым - новым наместником Кавказа и явным армянофилом, который, однако, старался предстать в образе эдакого "либерала". Во всяком случае, многие историки указывают, что после прекращения "резни" Воронцов-Дашков вызвал Накашидзе "на ковер" и попытался втолковать ему, что армяне на Кавказе - нация неприкосновенная, а наказывать надлежит только мусульман (потом, в 1990 году, советские военные "пиарщики" устроят в бакинском Доме офицеров выставку изъятого "в Закавказье" оружия, попытавшись таким способом "обосновать" карательную акцию Советской армии в Баку 19-20 января 1990 года, но у бакинской общественности эта выставка не вызвала ничего, кроме возмущения: карательную акцию против азербайджанцев пытались обосновать при помощи оружия, изъятого у армянских боевиков, тем более что реальных мер по прекращению армянского террора Москва не предпринимала).

Так или иначе, уже 11 мая 1905 года смертный приговор, вынесенный Накашидзе дашнакским "трибуналом", был приведен в исполнение: губернатор был смертельно ранен при взрыве бомбы, брошенной дашнакским боевиком Дро Канаяном - тем самым, который потом войдет в историю как "генерал Дро", займет пост военного министра в "дашнакской" Армении, после ее советизации предпочтет

бежать, а затем станет командиром сформированного гитлеровцами Армянского легиона СС. Руководил же боевиками Никогайос Тер-Оганесян, более известный как "Никол Думан".

Киликийская провокация

Воронцов-Дашков, официальный Петроград или же дашнаки были тогда больше всех заинтересованы в убийстве Накашидзе - вопрос как минимум открытый. Однако сами дашнаки не могли не понимать, что, расправившись с бакинским губернатором, они, по сути дела, объявляют войну российской власти. Плюс ко всему в это время в Османской империи закипали свои страсти, и среди дашнакских лидеров начинался если и не полноценный раскол, то во всяком случае заметное брожение. Среди турецких армян оказалось немало тех, кто приглядывался к реформаторским партиям в самой Турции, и прежде всего тем деятелям, которые позже составят основу движения "младотурок". Которым в 1908 году удается одержать важную победу и свергнуть султана Абдулгамида II, открыв путь к реформам по "европейскому" образцу. Реформы эти самым непосредственным образом затронули и положение меньшинств - немусульмане были официально уравнены в правах с мусульманами.

Откровенно говоря, Османская империя отличалась невиданной по тем далеко не просвещенным временам веротерпимостью еще с захвата Константинополя. Однако законодательных механизмов, существовавших в те времена и гарантировавших каждому "миллету", то есть конфессиональной общине, внутреннюю автономию и право на свободу совести, оказалось уже недостаточно. Так или иначе, младотурки с самого начала обещали расширить права национальных меньшинств. И придя к власти, официально уравнивали в правах мусульман и немусульман: в "старом свете" в начале XX века такое равноправие было трудно себе представить. Но армянским лидерам явно хотелось большего, и прежде всего "территориальной автономии", которая открывала бы путь к созданию армянского государства на турецких землях.

Потом та же тактика будет применена и в Карабахе - при помощи разговоров об "ущемлении прав армян", которые, кстати говоря, не подтверждались фактами, армянские лидеры пытались и по сей день пытаются не добиться того, чтобы эти самые права армян были защищены и гарантированы, а обосновать территориальные притязания на азербайджанские земли. Так или иначе, в качестве "точки приложения сил" дашнаки весной 1909 года выбрали Киликию. И такой выбор цели был далеко не случаен. Как констатировалось в прессе уже не раз, Киликия - из тех районов, стратегическую важность контроля над которыми трудно переоценить. Холмы, окружающие Адану, до сих пор напоминают фортификационный музей - столько здесь крепостей, основанных крестоносцами, мамлюками, турками... Здесь проходил важнейший караванный путь, соединявший Константинополь и Ближний Восток, и для его защиты не жалели сил все, кто владел этими землями. Потом именно здесь пройдет знаменитая Багдадская железная дорога, после второй мировой войны появится американская военная база "Инджерлик", Джейханский терминал... Но до этого времени Киликия не раз переходила из рук в руки.

Даже краткий пересказ истории этого региона, "связующего звена" между двумя древнейшими центрами цивилизации - Малой Азией и Ближним Востоком, никак не уместится в рамки газетной статьи. Исторический центр Киликии - Адана - была основана еще хеттами, потом ее нарекли в честь античного бога Адониса, Киликия была яблоком раздора между Селевкидами и Птолемеями, была завоевана Александром Македонским, потом были греки, римляне, византийцы, крестоносцы, боровшиеся с мамлюками за Иерусалим, и, как напоминают сегодня историки, без контроля над Киликией не стоит даже говорить об уверенной политике в Сирии и Палестине... Киликия превращалась в "буфер", в "транзитную зону", ею владели византийцы, арабы, крестоносцы, франки, сельджуки, могулы и мамлюки... На каком-то этапе, в начале XII века, в Киликии, куда стали стягиваться бежавшие из ортодоксально-православной Византии на более веротерпимый арабский Восток армяне, возникло полунезависимое армянское государство. Просуществовало оно несколько десятков лет - армянские правители в конце концов оказались жертвами собственной политики лавирования между сильными мира сего. Под власть Османской империи Киликия вместе с ее центром в Адане перешла в 1514 году, после чего многовековой "чехарде" был положен конец. И, по мнению того же Эрика Файгла, "период правления Османов, начавшийся в 1514 г., был, несомненно, самым благотворным и стабильным в истории армян Киликии. Как христиане, они были освобождены от военной службы. Они занимались торговлей; даже греки, известные своими способностями к торговле, не могли соперничать с ними в этой области. Благодаря османской терпимости некоторые регионы, например, Зейтун (ныне Сулейманлы), обладали широкой автономией". Которую вскоре решили "конвертировать" уже в автономию территориальную.

Но тут уже необходимо вспомнить еще об одном обстоятельстве. По многократно приводившимся в прессе оценкам известного американского тюрколога Джастина Маккартни, ни в одном из османских вилайетов армяне не составляли большинства - они были сосредоточены главным образом в городах. Более того, по его оценкам, "если бы даже все анатолийские армяне съехались в "шесть вилайетов", мусульмане все равно пропорционально превосходили бы численность армян как 2,5 к 1. Если бы даже армяне со всего мира съехались бы в "шесть вилайетов", то мусульмане все равно составили бы большинство! Просто было очень мало армян для существования жизнеспособного государства." То же можно было сказать и в

отношении Киликии. Но, во-первых, в случае с Киликией армяне могли опереться на некие "исторические доказательства", а во-вторых, контроль над этим важнейшим регионом придал бы армянскому голосу на международной арене иной вес и силу - здесь прекрасно отдавали себе отчет, насколько важно, что Турция контролирует Босфор, и мечтали заполучить нечто подобное.

Однако младотурки не то чтобы совсем уж без оснований полагали, что они к этому моменту свои обязательства перед меньшинствами, в том числе и армянами, уже выполнили. И уж тем более не горели желанием дарить им такой важный район, как Киликия, ворота на беспокойный Ближний Восток, который в те годы еще оставался турецким. В ответ дашнаки подняли в Адане восстание, начавшееся, по традиции, с резни мусульманского населения.

Сегодня уже трудно сказать, на что рассчитывали дашнакские лидеры. Вполне возможно, что здесь и впрямь считали, что Европа, впечатленная разговорами об ужасах "армянских погромов" в Киликии, немедленно двинет в Средиземноморье войска. Тем более что прецеденты уже были: взялась же Россия защищать балканские народы! Но, вопреки расчетам, на помощь дашнакам Европа явно не спешила - здесь ограничились "моральной поддержкой". А армянские бандиты, поднаторевшие в погромах турок, не могли противостоять регулярной армии, которую власти без колебаний бросили в Киликию: здесь реакция оказалась совершенно иной, чем в России.

Возвращение под российские знамена

Сегодня события в Адане 1909 года в Армении именуют не иначе чем "киликийской резней" или "киликийскими погромами" - в полном соответствии с политическим "черным юмором", что удачный и неудачный мятеж начинаются одинаково, но называются потом по-разному - хотя, быть может, трудно спорить с теми, кто увидел в трагических событиях в Киликии этакую "генеральную репетицию" того, что произойдет в Восточной Анатолии в 1915 году. Но, несомненно, другое: неудачный армянский мятеж в Киликии положил конец "флирту" дашнаков с Турцией. И теперь уже путь для заигрывания с армянскими лидерами России был открыт - если, конечно, удастся "зачистить контакты". Которым изрядно мешал протянувшийся за дашнаками кровавый след. Нет, кровь "инородцев-басурман", "кавказских татар" Петроград волновала не то чтобы очень сильно, но на счету террористов АРФ "Дашнакцютюн" был солидный список царских чиновников. В одном из своих воззваний дашнаки уже в конце 1905 года предупреждали: "Партия "Дашнакцютюн" заявляет всем полицейским приставам, начальникам уездов... что впредь будут истреблены те администраторы, которые осмелятся отбирать оружие у армян и производить обыски... Пусть каждый из них помнит о судьбе бакинского генерал-губернатора Накашидзе, елисаветпольского вице-губернатора Андреева, начальников уездов Богуславского, Шперлинга, Павлова, полицеймейстера Сахарова, приставов Нащанского, Джевахова, Шумакевича, Тер-Саакова и других... которым партия "Дашнакцютюн" вынесла смертный приговор".

Но не следует забывать, что агентом охранки в России являлся и крупнейший террорист того времени - Евно Азеф, так что от перспективы сотрудничества с "бомбистами" в Петрограде вряд ли кого-то бы передернуло. Но и политический "разворот" требовал времени и усилий. Ключевым пунктом здесь стал печально известный "дашнакский процесс", который проходил в Петербурге в конце 1911 г. - начале 1912 г.

Для либеральной интеллигенции он превратился в прекрасную точку приложения сил. Восторженные романтики видели в дашнаках едва ли не "клон" Инсарова - главного героя тургеневского "Накануне", лозунги об освобождении своей "родины" на турецких землях - а их дашнаки пускали в ход сразу - исправно "пробивали слезу". Так или иначе, в числе защитников-террористов оказался и "восходящая звезда" партии эсеров Александр Керенский, будущий глава Временного правительства - кстати говоря, эсеры не менее активно, чем дашнаки, практиковали "индивидуальный террор".

Однако приговор, в особенности на фоне тяжести предъявленных обвинений (террористическая деятельность и т.д.), оказался удивительно мягким: 52 человека было приговорено к тюремному заключению, и только 4 сосланы на каторгу.

И как по заказу, в том же 1911 г. дашнаки окончательно разочаровались в младотурках. Завершающим же аккордом стала та самая бакинская встреча Павла Милюкова с лидерами дашнаков. Которая, по сути дела, открывала дорогу к новой "большой игре", где для России главным призом должны были стать новые территориальные приобретения - на сей раз в Восточной Анатолии.

Войны без проигравших не бывает

Бернар Фасье, французский сопредседатель Минской группы ОБСЕ, комментируя на одной из пресс-конференций "пятидневную войну" России против Грузии, заметил: "Эти события еще раз показали, что война абсолютно не может быть решением". И добавил: проще всего начать войну. Но никто не знает, как придется ее заканчивать.

Война, начавшаяся в 1914 году, именовалась и первой империалистической, и первой мировой, но первой в истории человечества она уж точно не была. И, наверное, остается только удивляться тому, с каким воодушевлением европейские правительства бросились в кровавый омут сразу же после того, как 28 июня 1914 года Гаврила Принцип в Сараево спустил курок, прицелившись в наследника Габсбургского престола эрцгерцога Фердинанда. Того самого, которого потом назовут "коронованным ничтожеством" и на

чьих похороны не приедет никто из царствующих особ. Но на политической сцене его смерть сыграют по полной программе.

Это может показаться удивительным, но изучением событий, корней и последствий первой мировой на постсоветском пространстве занялись только сейчас. В том числе и потому, что еще недостаточно хорошо забытые каноны "марксистско-ленинского понимания истории" низводили ее до роли этакого фона Великой Октябрьской социалистической революции", и даже те крохи информации, которые можно было оттуда почерпнуть, касались исключительно боевых действий в Европе. Названия глав школьного учебника "Новой истории" говорят сами за себя: "Причины и начало войны. Крах II Интернационала", "Провал стратегических планов германского командования в 1914-1917гг. Вступление в войну США", "Начало революционного подъема в Европе" и наконец "Великая Октябрьская социалистическая революция. Заключительный этап первой мировой войны".

"В те годы в Европе существовала такая система безопасности, что мобилизация, объявленная в одной стране, немедленно приводила к аналогичным мерам в других," - так в беседе с автором этих строк охарактеризовал начало первой мировой тогдашний посол США в Азербайджане Стэнли Эскудейро. Выстрел сербского террориста Гаврилы Принципа в австрийского эрцгерцога Фердинанда на одной из улиц Сараевосны - Сараево, требование Австро-Венгрии к властям Сербии прекратить антигабсбургскую пропаганду и допустить австрийскую полицию на свою территорию для расследования инцидента, отказ Сербии выполнить последнее условие - полномасштабная война в Европе вспыхнула по принципу "домино". Сначала Австро-Венгрия прервала дипломатические отношения с Белградом и 28 июля объявила Сербии войну. На следующий день, желая защитить "братушек-сербов" на Балканах, объявляет всеобщую мобилизацию Россия. Вечером ее на какой-то период заменяют частичной - страна попросту не готова к войне, но уже 30 июля, под влиянием Генерального штаба и МИД, император Николай II вновь вернулся к указу о всеобщей мобилизации. Германия потребовала отменить мобилизацию, но Россия на этот ультиматум не ответила. Тогда 1 августа мобилизация началась уже в Германии, и вечером того же дня она объявила войну России. Тогда уже начала всеобщую мобилизацию и Франция. Вечером 3 августа Германия объявила войну и ей - под тем предлогом, что французские самолеты нарушили нейтралитет Бельгии, совершили облет германских городов и бомбили железную дорогу. 2 августа немцы оккупировали Люксембург, а 4 августа германские войска без объявления войны вторглись в Бельгию под предлогом, что туда готовятся вступить французские дивизии. Английское правительство потребовало от Берлина к исходу 4-го числа дать ответ, готов ли он соблюдать бельгийский нейтралитет. Германский статс-секретарь фон Ягов заявил, что не может дать таких обязательств, поскольку военные соображения выше всех иных. В тот же день Англия объявила Германии войну. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, а через несколько дней оказалась в состоянии войны и с другими государствами Антанты.

Турция, как свидетельствует история, не особенно торопилась ввязываться в европейскую "мясорубку". Но сначала Великобритания не передала ей два военных корабля, достроенных на британских верфях, несмотря на то, что заказ был уже оплачен. А затем немецкие офицеры, занявшие лидирующие позиции в турецком военном флоте, попросту втянули страну в противостояние со странами Антанты, В столицах которых открыто, строили планы, как "загнать османов в вилайет Конья". Тогда же, как указывают Стэнфорд и Эзел Курал Шоу, "несколько влиятельных оттоманских армян, включая бывшего члена парламента, сбежали на Кавказ с целью сотрудничества с высокопоставленными чиновниками России, открыто демонстрируя тем самым стремление любой ценой сорвать военные действия Османской империи". В те же дни президент армянского национального бюро в Тифлисе призывал царя Николая II: "Армяне всех стран спешат вступить в ряды славной русской армии, отдать свою жизнь во имя победы русского оружия...Пусть русский флаг свободно развевается над Босфором и Дарданеллами. Пусть, Ваше Величество, с вашего согласия народы, проживающие под турецким игом, обретут свободу. Пусть армянский народ, проживающий в Турции и страдающий во имя Христа, заживет новой свободной жизнью под защитой России". И вряд ли стоит сомневаться, что начиналась эта авантюра с той самой бакинской встречи Павла Милюкова с дашнакскими лидерами.

Как напоминает Тарасов, позднее Милюков, описывая в мемуарах свои многочисленные поездки по Балканам и европейским странам, ни словом не обмолвился о посещении Баку. Однако описанные им рассуждения по поводу международной ситуации того времени во многом объясняют мотивацию таких действий. "Турция настолько слабела, что согласовать любым способом интересы христианского населения с сохранением турецкого господства становилось явно невозможным, - пишет он. - Осенью 1911 года началась итало-турецкая война, исход которой легко прогнозировали - переход под юрисдикцию Италии двух африканских колоний Османской империи - Триполитания и Киренаики. Шла подготовка к первой Балканской войне между Османской империей и балканскими странами - Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией. Генеральные штабы России, Англии и Франции вели разработку общего плана войны против Турции. Каждая страна должна была поставить определенное количество войск и оккупировать часть территории, на которую оно претендовало". Россия здесь предпочитала действовать руками армян. Которые были уверены, что еще совсем немножечко - и они получают в свое безраздельное владение и Восточную

Анатолию с Агрыдагом - Араратом, и Киликию с выходом в Средиземное море - на штыках русских солдат.

Но, увы, дашнакские лидеры просто не могли себе представить, что в той войне может проиграть еще кто-нибудь, кроме Османской империи, а победа может достаться не только России. Что военная фортуна изменчива, и порой переломить ситуацию удастся в самом, казалось бы, безнадежном положении. Дашнаки исправно устраивали "этнические чистки", чтобы добиться численного перевеса над мусульманами, устраивали мятежи в Ване и других городах, и ждали, когда им на помощь придет обещанная русская армия, но помощь эта все не приходила - войска были нужны на других участках фронта. И в Анатолии разворачивалось то, что в армянских кругах теперь называют "геноцидом 1915 года". Уже установлено, что мятеж в Ване весной 1915 года подняли дашнаки, прибывшие из России. И уже 28 апреля 1915 года российская армия при поддержке армянских добровольцев как анатолийских, так и кавказских, выступила из Эривани в сторону Вана.

Дошла она сюда 14 мая, через день после того, как Энвер-паша начал готовиться к вторжению российской армии и отдал приказ об эвакуации армянского населения, Однако вступившие же в Ван "добровольцы" в течение двух дней устроили там массовую резню мусульманского населения, а расположенный там небольшой турецкий гарнизон вынужден был отступить. "В Ване, - иронизируют С.Шоу и Э.Шоу, - под покровительством русских сразу же было создано армянское государство; оказалось, что только после уничтожения и изгнания местного мусульманского населения оно могло утвердиться в одном из старых древних центров армянской цивилизации".

Однако уже в июле турецкая армия отбросила российские части назад. "Вместе с ней, - пишут авторы, - ушли и тысячи армян, которые боялись возмездия за убийства, при помощи которых и было создано это недолго просуществовавшее государство".

В армянских кругах, впрочем, еще верили, что не все потеряно. Что вопли об "уничтожении армян" заставят Европу повести себя по-иному. И Севрский договор, казалось, гарантировал исполнение мечты. Однако уже очень скоро Мустафа Кемаль-паша начнет свою войну за независимость Турции, и Севрский договор отправится на свалку истории - уже с новой Турцией будут подписаны Лозаннские соглашения, Московский и Карсский договоры. И это окажется настоящей трагедией для дашнаков, которых просто выбросили из игры, как батарейку, отработавшую свой ресурс. Дашнакский лидер Ованес Кашазуни тогда писал: "Всем своим сердцем и без сожаления мы были преданы делу России. Не имея никаких конкретных гарантий, мы верили, что царское правительство в награду за нашу преданность, усилия и помощь предоставит нам какое-то самоопределение на Кавказе". "Мы забили себе голову иллюзиями, - цитировали потом его знаменитую фразу. - Свои собственные стремления мы поместили в улей других. Мы утратили чувство реальности и дали волю мечтам". Еще откровеннее на этот счет высказался американский дипломат и историк Пол Хенце: "Когда в 1914 году началась война, русские снова вдохнули жизнь в армянские надежды и использовали армян Восточной Анатолии в качестве пятой колонны. В итоге они не вмешались, чтобы защитить армян, когда власти Османской империи во время войны депортировали их. Русские не защитили их и от мести мусульман, когда развалилась Османская империя. Как это часто случалось на протяжении предыдущих 150 лет, Россия хотела использовать армян для достижения своих целей, но была не готова жертвовать чем-либо ради них".

Но в Армении все еще продолжают жить так, будто бы в мире не существует ни Лозаннских соглашений, ни Московского договора, и не сегодня, так завтра границы будут приведены в соответствие с "арбитражным решением Вудро Вильсона". И тем удивительнее осознавать, что интрига эта, определившая политический пейзаж Южного Кавказа, начиналась в Баку.